

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации Романа Юрьевича Федорова

«Особенности традиционной культуры и динамика этнокультурных процессов у

белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока

(вторая половина XIX – начало XXI века)»,

представленной на соискание учёной степени

доктора исторических наук

по специальности 07.00.07 – «Этнография, этнология и антропология»

Представленная диссертация хорошо вписывается в современный контекст событийности, политической, социокультурной и научной, что обуславливает её актуальность как минимум в трёх аспектах. Во-первых, необходимость укрепления Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь в условиях сложной международной обстановки предполагает аргументированное обоснование скрепляющих их основ, к которым безусловно принадлежит общность исторических судеб и культурная близость. Во-вторых, «этнический Ренессанс», вызвавший к жизни разнообразие национально-культурных объединений, вовлёк в себя и белорусов, проживающих в РФ, и predetermined растущий спрос на материалы и издания, посвящённые этнической истории и культуре. В-третьих, этнолокальные исследования белорусов, охватившие с 1970-х гг. отдельные районы Сибири и Дальнего Востока, поставили на повестку дня вопрос о необходимости проведения обобщающего исследования применительно ко всему региону в целом. Ответом на означенные послы стала и оппонируемая диссертация. Символично, что выполнена она в Институте археологии и этнографии СО РАН, где сформировалось мощное направление по изучению восточнославянских народов Сибири.

Объектом исследования заявлена часть белорусского населения Сибири и Дальнего Востока – «белорусские крестьяне-переселенцы» и их потомки, что представляется вполне оправданным, правда не вполне обоснованным. Настораживают разночтения в авторской трактовке объекта в разных местах диссертационного текста: «выходцы из Могилевской, Витебской, Минской, Гродненской и Виленской губерний Российской империи», переселившиеся на территорию Сибири и Дальнего Востока в пореформенный период (с. 7); этнографическая группа, обладающая этническим самосознанием (с. 35–36), «абстрактная общность, основным критерием которой является единство происхождения»

(с. 32). Нетрудно заметить, что в основу предложенных определений кладутся разные, более того – взаимоисключающие с точки зрения объективно-субъективной трактовки критерии: территориальная общность, этнокультурная, с одной стороны, и умозрительный конструкт, с другой. Подобные разночтения требуют авторского разъяснения.

Постановка и формулировка предмета исследования – традиционная культура и этнокультурные процессы – сомнений не вызывает, равно как и обоснование хронологических и территориальных границ исследования. Содержательно ясны и заявленные цель и задачи: этнокультурная характеристика процесса переселения, выявление структуры и процессов трансформации этнокультурной идентичности, моделей расселения, принципов статики и динамики относительно компонентов традиционной культуры, механизмов трансляции этнических традиций. Правда, с точки зрения стилистики формулировка первой и четвёртой задач далеко не безупречна: «сформулировать основные этнокультурные аспекты крестьянских переселений» и «систематизировать и обобщить этнографические материалы [не уровень докторской диссертации – *O.P.*], характеризующие принципы сохранения и трансформации основных компонентов» традиционной культуры (с. 24–25).

В плане методологии автор стремится найти «срединный путь» в движении отечественной науки от этноса к идентичности. Хочется отметить, что в процессе движения сломано уже столько копий, что любая оригинальная попытка предложить собственное решение достойна уважения и внимания. Авторская рефлексия по поводу методологии подкупает ещё одним обстоятельством: она имеет прочный фундамент в виде огромного массива анализируемых этнографических данных, а не сводится к абстрактному теоретизированию. В силу данного обстоятельства трактовка теоретико-методологических проблем сугубо избирательна и исходит из специфики эмпирической базы и решаемых задач. Срединный путь Р.Ю. Фёдорова пролегает между примордиализмом (культура как объективное основание формирования этнических общностей), конструктивизмом (этничность как одна из форм коллективной идентичности), ситуационизмом (варьирование идентичности в зависимости от событийного контекста) и этносимволизмом (определение границ идентичности посредством системы символов) и выглядит вполне логичным и обоснованным. Базовыми концептами для диссертанта служат «ассимиляция» и «этническая интеграция» в трактовке Ю.В. Бромляя, а также «этнокультурная интеграция» в авторской трактовке – «сходные процессы, происходящие между несколькими группами переселенцев, имеющими региональные, локальные, сословные или социальные различия» (с. 42). Последняя требует уточнения: интеграция предполагает сближение, а определение

нацеливает на конвергентные процессы. Особо отмечу методологический потенциал используемой в диссертации дефиниции «этнокультурная идентичность» в трактовке И.В. Малыгиной. Трактовка включает рациональные и иррациональные механизмы самоопределения, его индивидуальный и коллективный уровни и формы манифестации, предполагает аффективность и базируется на общности культуры (с. 34). Хорошо знаком автор и с теоретическими разработками в сфере адаптационных процессов, которым уделялось серьёзное внимание в отечественной историографии, начиная с последней четверти XX в. Среди общетеоретических принципов исследования особое место отведено сравнительно-историческому методу, реализуемому в двух плоскостях – сопоставление этнокультурных традиций белорусов, зафиксированных в Сибири и на Дальнем Востоке, с материнскими в местах исхода, с одной стороны, и с традициями местного населения, прежде всего русских старожилов, с другой. С исчерпывающей полнотой приведена характеристика методов сбора эмпирической информации, включая и полевые сборы диссертанта. В целом, заявленная в диссертации теоретико-методологическая база представляется вполне достаточной для решения означенных автором задач.

Не вызывает никаких сомнений и может быть поставлена в ряд важнейших достижений автора источниковая база предпринятого исследования. Наукометрия применительно к ней говорит сама за себя: 24 экспедиции за 10 лет полевых исследований, около 300 опрошенных информаторов, закрытые лакуны в виде малоизученных территорий – Свердловская, Курганская, Тюменская, Иркутская и Амурская области и Красноярский и Хабаровский края. Весомым дополнением к полевым материалам автора стали письменные источники – этнографические материалы предшественников, законодательные и нормативные акты, делопроизводственная документация, статистика, публицистика и мемуары, – почерпнутые в значительной массе в архивных собраниях. Проводя критику корпуса источников, автор обоснованно указывает на подчиненность письменных источников в вопросах, касающихся этнолокальной специфики традиционной культуры, этнокультурной идентичности и этнопсихологии. Вместе с тем недооценённым в плане этнической идентичности оказался такой вид делопроизводственной документации, как похозяйственные книги. При всех их неоднократно отмеченных в литературе «минусах» они позволяют хорошо улавливать инвариантность или «дрейф этнической идентичности» на семейном уровне, определять основные типы этнической идентичности.

О достаточной степени полноты историографической эрудиции автора свидетельствует корпус задействованной в ходе анализа исследовательской литературы – 385 позиций.

Структура работы представляется логичной: этносоциальная характеристика общности до времени исхода (глава 1 «Этнокультурные аспекты крестьянских переселений из Белоруссии в Сибирь и на Дальний Восток»), динамика этнокультурной идентичности после переселения (глава 2 «Динамика этнокультурной идентичности белорусских крестьян-переселенцев»), детальная реконструкция процесса расселения на территории Сибири и Дальнего Востока (глава 3 «Региональные особенности расселения и этнокультурных процессов у белорусских крестьян-переселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке»), трансформация традиционной культуры (главы 4 «Особенности сохранения и трансформации духовной культуры белорусских крестьян-переселенцев» и 5 «Особенности сохранения и трансформации материальной культуры белорусских крестьян-переселенцев») и механизмов её трансляции (глава 6 «Трансформации механизмов трансляции этнических традиций у потомков белорусских крестьян-переселенцев»). Итожат главы выводные положения, подчёркивая проведённый анализ и его результаты. Заключение представляет собой концептуальную квинтэссенцию предпринятого исследования. Правда, бросается в глаза явная несоразмерность глав в объёме.

В диссертации содержится целый ряд новых и значимых для науки положений, правда не всегда бесспорных, что вполне объяснимо с учётом сложности анализируемого феномена – этнокультурной идентичности, а также острой дискуссионности по поводу подходов к её изучению. Остановлюсь на наиболее важных, на мой взгляд, научных положениях и выводах, содержащихся в диссертации.

Подводя итог этносоциальной характеристике крестьян-переселенцев на месте будущего исхода, автор делает вывод о «не сформировавшемся окончательно этническом самосознании большинства представителей белорусского крестьянства» (с. 70). Данное положение представляется дискуссионным, поскольку в тексте речь идет о формировании специфических черт этнической культуры белорусов, согласно мнению большинства исследователей, в период времени Великого княжества Литовского – XIII– XVI вв. (с. 56). Следовательно, ко времени переселения в Сибирь объективная основа для этнокультурной идентичности была создана и, следуя определению последней, формой её «манифестации» и стало самоназвание «тутэйшыя», т.е. здешние. Название местности, положенное в основу этнонима, – распространённое явление в этнографии. К тому же в данном случае оно указывает на такую важную характеристику этнической общности, как исконность.

Анализируя динамику этнокультурной идентичности пореформенных переселенцев на осваиваемой территории, автор подчёркивает появление новых форм её манифестации –

«самоходы», «хохлы», «лапотники» – и доминирование региональной идентичности, указывающей на места исхода (с. 71). Таким образом, на первый план вновь выходит территориальная аутентичность, и акцентирование данного фактора, пусть и подспудное, развивает положение Ю.В. Бромля о ключевой роли процесса переселения в формировании этнического самосознания. Рассматривая процессы 1920-х гг., диссертант указывает на федеративную субъектность, политику «коренизации» и этническую процессуальность как важнейшие факторы конструирования нового варианта манифестации этнокультурной идентичности – белорус. Современная ситуация, по его мнению, демонстрирует сочетание гражданской (российский народ), локальной (сибиряк) и этнической идентичности с территориальным оттенком (дальневосточные белорусы, например) у потомков пореформенных переселенцев в 3-м и 4-м поколениях (с. 92).

На фоне вышеизложенного заключения, сделанного диссертантом, несколько неожиданно выглядит его же вывод об «ассимиляции на начало XXI в. подавляющей части потомков белорусских переселенцев», вынесенный и в защищаемые положения (с. 165, 50). Данный вывод порождает контраргументы. Во-первых, вывод фактически не подкреплён в тексте диссертации эмпирическим материалом, в том числе и статистическими выкладками, неизбежными при обращении к современным этническим процессам. Таблицы, вынесенные в приложение, содержат данные по всем белорусам, а не только по изучаемой группе. Во-вторых, в диссертации речь идёт лишь о когнитивном уровне этнической/этнокультурной идентичности, хотя она предполагает и аффективный. Указанные уровни в ситуации дрейфа этнической идентичности, а именно с такой ситуацией имеет дело диссертант, нередко диссонируют, и именно чувственный уровень позволяет вскрыть процесс перевода прежней этнической идентичности в латентную форму, о которой ведёт речь и автор (с. 303) и которая может легко актуализироваться при возникновении ситуации «этнического интереса». В-третьих, ассимиляция предполагает полное растворение в среде другой этнической общности, а при «сохранении отдельных мест... компактного и дисперсного проживания» потомков белорусских переселенцев, особенно с учётом фактора наличия национальной государственности у белорусов, корректнее вести речь об аккультурации как заимствовании одним народом или его частью элементов культурной модели другого народа. К тому же явление аккультурации, на мой взгляд, более комплементарно по отношению к анализируемой в диссертации этнокультурной идентичности, чем явление ассимиляции.

Реконструируя процесс расселения белорусских крестьян на изучаемой территории, Р.Ю. Федоров даёт развёрнутую картину мест проживания пореформенных переселенцев, в ней отражены характер расселения, иноэтничное окружение, брачные отношения,

культурные взаимодействия, – и всё это с учётом региональной специфики. Подобная масштабная систематизация материала проведена впервые и отличается новизной и большим информативным потенциалом для дальнейших исследований. Обоснованными представляются и выделенные автором модели расселения пореформенных переселенцев – кустовая и рассеянная (с. 162–163, 50), во многом определившие степень сохранения или размывания этнических традиций.

Исходя из постулата о культуре как объективном основании этнокультурной идентичности, диссертант большое внимание уделяет выявлению и сравнительному анализу её элементов у белорусских крестьян-переселенцев. При этом анализ охватывает материальную и духовную сферы культуры и выполнен с опорой на общепринятые в отечественной этнографии классификации. Так, применительно к поселению и жилищу характеристика дана с учётом типов планировки, типа связи, домостроительной техники, конструктивных элементов и т.п. Реализуя заявленные во введении два плана сравнительного анализа, Р.Ю. Федоров характеризует локальные варианты анализируемых элементов культуры, выявляет инвариантные по сравнению с материнской основой черты культуры и инокультурные заимствования и прослеживает динамику культурных реалий во времени, вплоть до современности. В результате на страницах диссертации впервые запечатлён масштабный по географическому охвату и скрупулёзный по вниманию к этнографическим деталям (календарная, семейная и окказиональная обрядность, жилище, пища и одежда) обзор культуры белорусских крестьян-переселенцев, охватывающий более чем два столетия. Его научная значимость в обосновании не нуждается.

При этом в поле зрения исследователя постоянно находятся факторы трансформации культурных традиций – иные природно-климатические условия, иноэтническое окружение, рост числа биэтнических браков, изменение экономического курса и др. Особо отмечу выявление диссертантом специфических для белорусской культуры элементов, по существу, этнокультурных маркеров этнической общности в поликультурном сообществе Сибири и Дальнего Востока. Это сама по себе актуальнейшая и сложная задача. К числу специфических для белорусской культуры элементов автором отнесены обряд переноса иконы «Свеча», игра «женитьба Терёшки» (с. 170–173), волочебники (с. 175), лён как основное сырьё для изготовления одежды (с. 248), лапти (с. 254) и многие другие. Лапти, например, стали доминирующим культурным элементом при формировании гетеростереотипа по отношению к белорусским переселенцам и послужили лингвистической основой для новой манифестации этнокультурной идентичности – «лапотники», о чём шла речь выше.

На фоне детально прослеженной трансформации белорусской культуры убедительны и выводы автора о трёх её сменяющих друг друга механизмах и соответственно о трёх этапах процесса: адаптация на основе исходных традиций и их трансляция посредством межпоколенной коммуникации (вторая половина XIX – начало XX в.); модернизация жизненного уклада на уровне государственной политики (советское время); конструирование этнических традиций с помощью СМИ и социальных институтов (постсоветское время) (с. 288). В целом, следует согласиться с авторскими выводами, правда применительно к последнему периоду, охарактеризованному в диссертации с учётом его неоднозначности и противоречивости, не помешало бы добавить разработки, касающиеся такого явления, как неотрадиционализм, тем более, что о нём идёт речь в тексте.

Положения, выносимые автором на защиту, обоснованы всем объёмом представленного материала и выводами, сделанными на основе его анализа, и не вызывают сомнения. Дискуссионным представляется лишь положение о «полной ассимиляции», о чём речь шла выше.

Представляется, что в условиях «этнического Ренессанса» наиболее востребованными с точки зрения практики окажутся главы, посвящённые этнической культуре. Национальная интеллигенция сможет найти в них столь необходимый ей добротный материал для конструирования разного рода мероприятий с этническим колоритом – праздников, фестивалей, конкурсов. Сведения и обобщения по этнической культуре могут стать хорошей основой для разработки научных концепций стационарных экспозиций и временных выставок, посвящённых белорусской культуре в Сибири и на Дальнем Востоке. Характеристика современных этнокультурных процессов может оказаться полезной административным органам разного уровня при выстраивании стратегий развития в сфере межнациональных отношений и культуры.

В целом, представленное диссертационное сочинение свидетельствует о научной зрелости автора, сформулированные им выводы и положения, безусловно, способствуют развитию этнологии по следующим направлениям, указанным в паспорте специальности: «Классическая дескриптивная этнография», «Этическая история», «Этнологическое регионоведение», «Межэтнические отношения», «Этнокультуроведение», «Этнодемография и этноэкология», «Теоретическая этнология». Последняя представлена «срединным путём», избранным автором в качестве теоретико-методологической основы и вобравшим в себя положения из разных подходов к этносу, этнической идентичности и этнической культуре. Все поставленные диссертантом задачи решены. Несомненен и практический потенциал диссертационного исследования.

Основные положения диссертационного сочинения отражены в публикациях автора и нашли более чем достаточную апробацию на конференциях разного уровня. Содержание автореферата соответствует основным положениям диссертации, правда, к сожалению, в силу лимитированного объёма, далеко не полностью презентует её.

В целом, проведённый анализ позволяет утверждать, что диссертация Фёдорова Р.Ю. «Особенности традиционной культуры и динамика этнокультурных процессов у белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XXI века)», является самостоятельной законченной научно-квалификационной работой, в которой решена научная проблема, имеющая важное политическое, социально-экономическое и культурное значение, соответствует паспорту специальности, отвечает требованиям пп. 9–14 Положения о присуждении учёных степеней (утв. Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а её автор Федоров Роман Юрьевич заслуживает присуждения учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – «Этнография, этнология и антропология».

Д.и.н., с.н.с.

профессор кафедры музеологии, культурного
и природного наследия

института искусств и культуры

Национального исследовательского

Томского государственного университета

Рындина О.М.

13.05.2021

Подпись удостоверяю
Ведущий департамент
Управления делами

Н. В. АНРИЕНКО